

«Новый» документ о посольстве графа Ю.А. Головкина в Китай в 1805 г.

Публикация содержит перевод немецкой брошюры «Die russische Gesandtschaft nach China im Jahr 1805», авторство которой точно не установлено и приписывается Ю. Клапроту или Х.А. Струве, бывшим в составе посольства. На русском языке публикуется впервые.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Китай, русско-китайские отношения, посольство, Ю.А. Головкин, воспоминания

О неудачном посольстве в Китай в 1805 г. написано немало. Хорошо известны все обстоятельства его организации, освещено большинство событий, произошедших с экспедицией, подробно исследованы причины неудачи данной дипломатической миссии. Однако вне поля зрения исследователей остаются сами люди, составившие посольство, их нравы, характеры, судьбы. Подобные сведения часто заключены в документах, представляющих собой всевозможные воспоминания, дневниковые записи и т. д. Многие из них были написаны иностранцами и никогда не публиковались, по тем или иным причинам, на русском языке. В то же время проблема языкового барьера остается актуальной для отечественных исследователей. Предлагаемый документ написан и опубликован на немецком языке. Отсутствие русского перевода затрудняет получение сведений, позволяющих до некоторой степени восполнить указанный выше пробел в исследовании обстоятельств посольства Ю.А. Головкина.

Кратко напомним условия, при которых состоялось это посольство. Его возглавил «русский иностранец» граф Юрий Александрович Головкин, до этого постоянно проживавший в Европе и находившийся на русской дипломатической службе. Российское правительство имело в планах приобрести рынок сбыта для товаров «Российско-американской компании». Поэтому дипломатическому умению Ю.А. Головкина предстояло решить проблему открытия совместного судорохода по реке Амур, добиться разрешения для русских кораблей торговать в Гуанчжоу, а также попутно уладить вопрос об организации нового торгового пункта в Бухтарме, что вовлекло бы в русско-китайскую торговлю регионы Средней Азии. До этого времени русско-китайская торговля регулировалась положениями Кяхтинского договора 1727 г., который, однако, постепенно перестал устраивать российскую сторону.

Посольство, наделав много шума при отправлении из Петербурга, вызвало беспокойство в Китае и оказалось неудачным по ряду причин, которые раскрыты в целом ряде научных публикаций. Российскому посланцу и его свите не удалось пройти далее Урги (ныне Улан-Батор), а грандиозные планы русского правительства были сорваны. Подробно посольство описано в первом томе «Русско-

китайских отношений в XIX в. 1803–1807»¹, где приведено внушительное количество документов (более 500) как русской, так и китайской сторон, а также опубликованы воспоминания участников этой экспедиции – Ф.Ф. Вигеля, И.П. Александрова, Х.А. Струве².

Последнему из них приписывается авторство воспоминаний об этой миссии, которые были опубликованы 22 февраля 1807 г. в «Gasette de Petersbourg», а также в 1809 г. в Лейпциге в виде брошюры под названием «Русское посольство в Китай в 1805 г.»³, состоящей из двух частей, первая из которых посвящена посольству Головкина, а вторая повествует о притеснениях, чинимых в Китае христианам. В первом томе «Русско-китайских отношений в XIX в.» опубликован конспект этой брошюры в переводе с французского языка, рукопись хранится в фондах Архива внешней политики Российской империи⁴. Сама же брошюра на русский язык никогда не переводилась и в России не издавалась. Тем не менее она была широко известна в российских ученых кругах, а глава неудачного посольства Ю.А. Головкин однозначно называл ее автором Х.А. Струве, характеризуя его записки как «нелепые враки, кои столь часто проскальзывают в писаниях, публикуемых иностранцами о России»⁵.

Брошюра, первая часть которой предлагается в данной публикации, примечательна весьма скептической характеристикой посольства в Китай 1805 г., его целей, организации и дипломатической подготовки участников. Она наполнена и язвительными комментариями в адрес руководителей посольства. Надо отметить, что мемуары других участников посольства также рисуют это посольство в весьма невыгодном свете, но их тон более выдержан. Автор же рассматриваемой брошюры весьма резок в комментариях. Отмечая, что критика была отчасти справедлива, думается, что именно саркастический тон и нелестные отзывы о посольстве и его участниках как раз явились причинами, по которым в России эта брошюра так и не была опубликована. Ее автор демонстрирует неплохую осведомленность о переговорах сторон, что придает воспоминаниям характер документального изложения. Материал содержит также множество мелких подробностей о быте участников посольства, о взаимоотношениях между ними; в нем описаны черты характера руководителя дипломатической миссии, приводятся сведения, которые невозможно почерпнуть в официальных документах.

Рассматриваемая работа была относительно недавно, в 1999 г., переиздана в Германии⁶. Редактор этого сборника, немецкий библиограф-востоковед Хартмут Валравенс указывает в качестве автора текста данной брошюры Ю. Клапрота, вхо-

¹ Русско-китайские отношения в XIX в. Т. 1. 1803–1807. М. ИДВ РАН, 1995. (Далее – РКО).

² Струве Христиан Андреевич – коллежский ассессор, переводчик латинского языка в Коллегии иностранных дел.

³ Die russische Gesandtschaft nach China im Jahr 1805. Leipzig, 1809. URL: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b3113581/>. Эта брошюра была переиздана в 1817 г.

⁴ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив 1-7. Оп. 6, 1805 г. Д. № 1-а. П. 38. Копия на франц.яз. и пер. с франц. см.: РКО. Док. № 111. Комм 1.

⁵ РКО. Док. № 468.

⁶ Julius Klaproth (1783–1835). Briefe und Dokumente / Hrsg. H. Walravens. Harrasowitz, Wiesbaden 1999.

дившего в состав ученой части посольства. Однако есть сомнения в этой версии, ведь Ю. Клапроту так и не довелось побывать в Урге: он был оставлен в Иркутске по причине сокращения численности посольства. В то же время описание путешествия по Монголии наполнено мельчайшими подробностями, знать о которых мог только его участник. Валравенс, не ставя под сомнение авторство Ю. Клапрота, дает следующее объяснение: «Клапрот неоднократно высказывался о неудачном путешествии русского посольства в Китай. Оба его обширных анонимных описания, изданных в 1809 г., весьма критичны... Клапрот не путешествовал в Ургу, оставшись в Иркутске... Соответственно, он должен был получать информацию от других участников, прежде всего от своего наставника Потоцкого»⁷. Подлинное авторство этого текста до сих пор не установлено, однако попытка такого расследования принята в первом томе «Русско-китайских отношений в XIX в.»⁸.

Для перевода текста брошюры, ставшей библиографической редкостью, использована цифровая копия с оригинала, хранящегося в Калифорнийском университете, размещенная на портале «Hathi Trust»⁹. Сохранены, насколько это возможно при переводе, оригинальная пагинация и выделения текста. Номера страниц заключены в фигурные скобки – {} – и приводятся в конце каждой страницы. Для лучшего понимания текста документа последний снабжен комментариями.

Русское посольство в Китай в 1805 г.

*Не всякому человеку удастся попасть в Коринф*¹⁰

Хотя мы владеем такими точными и достоверными описаниями о Китае, как ни о какой другой неевропейской стране, тем не менее повсеместно принято считать, что это самая неизвестная азиатская империя; и это предубеждение, вероятно, является причиной тому, что отправляемые туда посольства всегда обращали на себя общее внимание. Примечательно, однако, что не им мы обязаны безупречными описаниями и правильными представлениями о Китае. К тому же ни одно из них, кроме португальцев Алессандро Метелло Суза-и-Менезеса¹¹, побывавших в 1727 г. в Пекине, не достигало своей цели. Причина тому {5} лежит

⁷ Ibid. S. 187.

⁸ РКО. Док. № 111. Комм. 1.

⁹ Hathi Trust Digital Library. Official Site. URL: <https://www.hathitrust.org>

¹⁰ Non civius homini contigit adire Corinthum Non civius homini contigit adire Corinthum.

¹¹ Португальцы впервые прибыли к берегам южного Китая в 1514 г. Порт Макао, ставший португальской колонией, служил пунктом обмена товаров. Португальцы пользовались преимуществами перед другими европейцами в уплате таможенных пошлин и прочих сборов. Однако с 1722 г. португальская колония стала подвергаться различным притеснениям со стороны Цингов (от запрещения строить корабли до запрета на исповедование христианства). С целью смягчить эти притеснения португальский король Иоанн V отправил посольство к императору Инь Чжэню во главе с Алессандро Метелло де Суза Менезисом. Посол, которому 28 мая 1727 г. была дана аудиенция у императора, увез обратно милостивые приветствия своему монарху и обещания облегчить торговлю в Макао. Эти обещания, однако не были исполнены. Подр. см.: РКО. Док. № 3. Комм. 26.

исключительно в том, что дворы, которые эти посольства отправляли, находились в заблуждении о том, как должно вести переговоры с китайцами. Посланник там есть не что иное, как депутат, приносящий императору поздравления и подарки (дань) от своего господина, а успеха добиться возможно только через переговоры о вещах неполитических. С особенной ясностью это дали понять китайские чиновники последнему русскому послу графу Головкину. Иностранное посольство в Китае может единственно вызвать переговоры и послужить началом для последующих письменных предложений в трибунал иностранных дел, а затем своим чередом {6} спокойно удалиться, и если посольство было хорошо принято, то оно уже исполнило свою миссию в Пекине. Таким образом, большой ошибкой будет, если вы посчитаете, что посольство может добиться чего-то от китайцев; и окажется более разумным, если вы не станете заранее гарантировать успех ни одного посла, отправляемого в Пекин, отчасти потому что слишком много препятствий лежит на его пути, а отчасти потому что трудно найти людей высокого ранга, хорошо знающего китайцев и китайский стиль ведения переговоров; или достаточно гибких, чтобы принять совет искушенных. В подобных случаях все имеющиеся недоразумения лучше улаживать в письменной форме. Менее всего неудач в достижении своих целей имело посольство Маккартни {7}, потому что изначально оно должно было послужить лишь к тому, чтобы подать китайцам высшую идею о достоинстве и мощи Британского государства и стать основанием для будущих переговоров, посредством которых англичане, находящиеся ныне в Кантоне, умножили свои преимущества перед прочими европейскими народами.

Что за благоприятные обстоятельства сошлись, чтобы увенчать эту миссию успехом! Цянлун, тогдашний китайский император, уже завершал свое 60-летнее счастливое правление и имел столь раздутое самомнение и гордыню, что считал себя самого воплощением фоевского¹² божества. Это придавало блеск истории всех императоров его династии, поэтому посольство, долженствующее принести дань из такой далекой страны, какова была Империя {8} красноголовых (Англия), было ему весьма к стати. Сент-Джеймский дворец также не мог сделать лучшего выбора, чем лорд Маккартни и сэр Джордж Стонтон, и оба сии мужа могли с достоинством представлять свою страну, будучи хорошо знакомы с ходом азиатских переговоров. Кроме того, для этой экспедиции подыскивали только таких людей, которые могли принести реальную пользу, отсеивая просто любопытствующих. И все-таки даже такое посольство потерпело полную неудачу!

Отлично от всех прочих европейских держав вела себя с Китаем Россия. Пограничные и торговые вопросы между империями точно регулировались посредством подробнейшего мирного трактата 1727 г.¹³, а двусторонняя дипломатическая {9} переписка была налажена между сенатом и палатой внешних сношений (*Ли-фань-юань*) в Пекине, либо другим, назначенным свыше органом власти. Установленные в трактате 3-летние русские караваны в Пекин¹⁴ почти прекра-

¹² От кит. «fo» – «Будда».

¹³ Кяхтинский договор.

¹⁴ Согласно п. 4 Кяхтинского договора русские караваны численностью не более 200 человек имели право посещать Пекин для торговли один раз в три года.

тились после 1755 г., а уже через 7 лет по указу императрицы Екатерины II запрещены полностью¹⁵, что было весьма пагубно для торговли и породило повод к постоянным жалобам; между тем и русские торговцы были всецело во власти китайцев, томивших их ожиданием с тем, чтобы они сбывали свои товары за любую предложенную цену. С того времени для торгов имеются, согласно положениям {10} трактата, рыночные места в Кяхте и Маймачене, лежащие друг против друга, первое из которых русское, а другое – китайское, весьма прибыльные за вычетом редких случаев приостановки торга, проистекающих обыкновенно от недоразумений. До заключения трактата Санкт-Петербургское правительство часто направляло в Китай с деловыми поручениями посланников, в целом довольно хорошо принимаемых, чему причиною были временные обстоятельства, так как Маньчжурские правители, взошедшие на китайский трон в 1644 г., должны были опасаться за свои северные границы пред могуществом России, которое могло быть помехой, лежащей на пути к осуществлению их планов {11}.

Однако Россия уже прекратила свое медлительное расширение на восток, отвела свои иррегулярные войска и была вынуждена смягчиться вследствие китайского превосходства в силах, и маньчжуры забыли свой давний страх пред русским оружием. Они вынудили в 1689 г. графа Головина заключить невыгодный для России пограничный трактат, последствия которого были изменены к лучшему только посредством мирных статей, установленных в 1727 г. С того времени контакты двух дворов – Пекинского и Санкт-Петербургского – были по большей части хороши, а редкие размолвки разрешались либо посредством писем, либо устными договоренностями пограничных чиновников обеих сторон. Россия, таким образом, не отправляла посольства в Китай в расчете на достижение особых политических {12} целей, и только под конец жизни государственный муж Потемкин вынашивал подобный план. Он был совершенно твердо убежден, что Россия поневоле должна быть совершенно азиатским государством, а к европейским распрям иметь малое отношение или вовсе никакого, и он стремился именно к такому развитию.

Согласно его плану, посылаемое в Пекин посольство должно было иметь своей целью вызвать быстрый разрыв отношений с китайцами, когда станет можно использовать русское оружие для того, чтобы навязать китайцам более выгодные пограничные и торговые договоры. Однако Потемкин умер, а с ним и его Азиатский план. Тем не менее идея о посольстве в Пекин осталась в памяти русской аристократии, и по некой {13} особой причине, со многими оговорками пра-

¹⁵ К 1762 г. выяснилось, что русские купцы, которых вполне устраивала приграничная торговля, не желают отправляться в Пекин с казенными караванами, т. к. у них были сомнения в получении от цинских властей разрешения на торговлю в столице Цинской империи. Более того, в 1763 г. император Цяньлун отклонил предложения Екатерины II о направлении русского посольства в Китай, причем его послание было настолько высокомерным, что русская сторона официально уведомила Пекин о том, что отвечать на него не станет. В 1764 г. цинские власти удалили из Маймачена (поселение через границу от Кяхты) всех торговцев, заменив их гарнизоном из 500 солдат, которые имели приказ осмотреть границу у Иртыша с тем, чтобы «уничтожить, сжечь все крепости на границе, буде они окажутся даже на русской стороне» (Трусович Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882. С. 59).

вительство Александра I вновь подняло этот вопрос. Вице-губернатор Иркутска господин Картвелин посещал в том же 1804 г. южные районы своего губернаторства и, прибыв в Кяхту, с любопытством обозревал торговое поселение Маймачен, будучи там инкогнито; однако же китайцы были хорошо осведомлены о его визите и велели двум знатным пограничным чиновникам приветствовать его. В беседе о тамошней торговле они дали понять, что в Пекине удивляются тому, что Россия такое долгое время не отправляет в Китай посольства и что многими это будет рассматриваться как доказательство охлаждения дружбы между двумя державами {14}; однако китайская сторона и не помышляет о том, что наличие такого повода может служить к беспокойству. Содержание этих бесед было сообщено вице-губернатором в Санкт-Петербург и послужило причиной осуществления старого потемкинского плана о посольстве в Китай. Это посольство было при тех обстоятельствах спроектировано с приятной быстротой, ему недоставало всего лишь здравого смысла, который, конечно, трудно было найти. Вскоре оно должно было послужить, представ пред очами китайцев, могуществу и богатству русской земли, надеясь таким образом вскоре заключить благоприятный торговый трактат и, объединив вышеупомянутые идеи с излюбленным русским планом, окончательно выторговать китайскую реку Амур.

Мы не желаем здесь исследовать для чего {15} России обладание этой рекой и какую пользу от свободного судоходства она может иметь; только позволительно будет заметить, а при нынешнем положении вещей это кажется весьма важным, что местность при реке Амур есть отечество маньчжур; так что оное требование к ним означает домогательство колыбели их предков, и оно имело бы точно такую же силу, как требование от России Москвы или Новгорода. Посольство с подобным предложением, доберись оно до Пекина, неминуемо не достигло бы своих целей, да еще и, вероятно, имело бы там неприятности.

Первейшим и наилучшим проектом стало бы отправление лишь небольшого посольства около 40 человек для коммерческих вопросов под руководством двух достойных {16} мужей, один из которых уже долгое время занимался бы азиатскими вопросами под началом Иностранной коллегии, а другой был бы известен своими трудами и путешествиями по Азии и Северной Африке. Наверняка такое предприятие было бы более подходящим, однако судьба распорядилась иначе. Граф Юрий Александрович Головкин, тогдашний обер-церемониймейстер, был в путешествии по Италии, услышав о проекте посольства, приложил все усилия к тому, чтобы его назначили начальником одного, и сие удалось посредством родственных и дружеских связей с тогдашним министром иностранных дел Адамом Ежи Чарторыйским¹⁶. Тогда он поспешил в Санкт-Петербург и получил по своему прибытию {17} еще и поручение инспекции всех губернаторств, которые он в своем путешествии к границам Китая будет проезжать. Сие последнее было бесполезной затеей при характере этого человека и могло отвлечь его от изложенного дела, а еще осмелюсь заметить, что он принадлежал к тому большому классу людей, которые соединяют многообещающие высказывания с приятной беседой

¹⁶ Польск. – Adam Jerzy Czartoryski; в русс. – Адам Адамович Чарторыйский

за столом и поэтому мнят себя остроумцами. Он обладал действительно большим запасом сведений, однако каждый раз запутывал дела. Впрочем этот самый граф Головкин уже ранее имел несчастье потерпеть неудачу с важной политической миссией в Стокгольме.

Главный мотив, который двигал им {18} к занятию поста посла в Пекин, было тщеславие, и поэтому он желал, чтобы его посольство было настолько великолепно и представительно, как только это было возможно. Поэтому вместо того, чтобы нанять людей, которые были бы действительно полезны в этой экспедиции, он собрал вокруг себя целую толпу молодых людей из первых семейств империи, многие из которых не достигли еще 20 лет и которые должны были стать его двором; их толпы переполняли посольство, потому что все разом воспылали к *увеселительной прогулке* и были уверены в совершеннейшем успехе¹⁷. Милостью императора графу Головкину по его желанию даже было позволено с целью придания пущей пышности посольскому поезду {19} взять от двора 14 музыкантов. По несчастью, находился в то время в Санкт-Петербурге камер-юнкер Байков, человек без нравственности, даже менее того, и вдобавок неуместно легкомысленный. Об этом послу было известно настолько хорошо, что когда Байков был назначен к нему первым секретарем, он прежде всего именно этому приписывал неудачу посольства. Ранее Байков был при русском посланнике в Париже графе Маркове, возбудил там недовольство и был отозван. Оба первых лица в посольстве, как уже показано, были мало пригодны к дипломатическим делам в Европе, однако с китайцами, вероятно, надеялись справиться и постоянным ответом на подаваемые советы и вносимые предложения {20} было: «Что вы хотите; при небольшой дипломатии мы сделаем все что угодно с этими животными-китайцами!»

Количество членов посольства вместе с набранными в Сибири казаками, драгунами и прислугой при подсчете составило 3 сотни человек, из которых почти половина была совершенно бесполезной. Так, например, некий старый голландец изъявил желание получить место и жалованье историографа при посольстве; однако этот человек даже не мог без ошибок, я не хочу сказать изящно, писать на чужом языке, так что если об этой экспедиции вообще было бы что рассказать, то оригинал описания непременно появился бы на голландском. Среди указанных ученых, под {21} начальством графа Потоцкого состоявших, были, за исключением астронома Шуберга, также люди без репутации, а некоторые из них выделялись в путешествии и в Иркутске такие студенческие шалости, какие обыкновенно

¹⁷ И в России об этом посольстве у современников были самые нелестные отзывы. Из письма графа М.С. Головкина к сослуживцу по Преображенскому полку Д.В. Арсеньеву: «Целая шайка из них готовится ехать в Китай с Головкиным и с кучей разнаго народа. Ты не можешь себе представить, какая сволочь! ...Первой в посольстве по Головкине есть Байков, что был в Париже. Он уже и здесь берет над прочими тон и ломается удивительно. Они уже все в ссоре, прежде нежели выехали из Петербурга, что же будет после? За Кяхтой они, наверное, передерутся; и надо знать, что и сам Головкин человек умный, но впрочем, морального характера в нем не ищи, и я думаю, что некоторые из молодых будут жертвой гордости Байкова и голландских правил самага посла. Я бы хотел, чтобы китайский император все это решил для них и, разсердясь на то, что с ними посланы инженеры, которые будут снимать планы и профили тамошних крепостей, приказал бы всех высечь от первого до последнего и потом выпроводить из его владений» (Архив князя Воронцова. Кн. 36. М., 1890. С. 89).

бывают в Галле и Йене. Вскоре все посольство превратилось в пеструю смесь из несовместимых частей.

Как единственный толмач с китайского и маньчжурского языков с нами отправился Антон Владыкин, прошедший 16 лет в Пекине и совершенно сведущий в своей области. От этого человека посол мог бы получить наилучшие рекомендации о сближении с китайцами, если бы он, вопреки своему званию, имел внимание прислушиваться к советам коллежского асессора. Ведь он не раз {22} и со вниманием читал о путешествии Маккартни, как часто имели случай примечать члены посольства. Несчастью иметь единственного переводчика в путешествии к Пекину экспедиция была обязана многими трудностями на своем пути; а с теми монгольскими толмачами¹⁸, которых смогли раздобыть на границе, мы бы не ушли далеко, потому что среди них, как мы позднее смогли узнать, не оказалось трезвомыслящих и пригодных людей, а Измаилов¹⁹, будучи мошенником, многое испортил.

Подарки состояли главным образом из пушнины и стеклянных изделий и казались весьма посредственными. Одно место из «Путешествия» Стонтонна справедливо обращает внимание на то, что в Пекине не ценят подарки из стекла, однако кто бы имел {23} время прочитать сие. Поднести китайцу зеркало столь же бесполезно, как и самому себе. В этих зеркалах примечательно то, что они, несмотря на их чудовищные размеры, счастливым образом были довезены чрез все до Урги²⁰ – самого дальнего пункта, которого достигло посольство, и только некоторые разбились на обратном пути. Тот, кто знает о бревенчатых дорогах России, о пути через Урал и через Красноярские и Байкальские горы, тот знает, что это почти невозможно. Все эти зеркала транспортировались стоймя на ребре, на специально

¹⁸ Из депеши посла Ю.А. Головкина заместителю министра иностранных дел А.А. Чарторыйскому: «Ввиду совершенной невозможности обойтись без переводчика монгольского языка я прикомандировал к посольству коллежского асессора Игумнова, который уже был в Пекине и связи и знакомства коего смогут оказаться весьма полезны... Он получает за сию комиссию тысячу рублей серебром» (РКО. Док. № 231). Вторым переводчиком был служащий иркутской губернской канцелярии Ф. Санжихаев, неоднократно бывавший с депешами в Урге в ходе переговоров о численности русского посольства.

¹⁹ Измаилов П. И. – ассессор Пограничной канцелярии в Троицко-Савске; был назначен уполномоченным Коллегии иностранных дел в Кяхте после проверки послом Ю.А. Головкиным деятельности предыдущего уполномоченного А.И. Соколова и последовавшего смещения его с занимаемой должности (РКО. Док. № 307).

²⁰ Доставка «15 зеркал длиной в несколько десятков футов и шириной в пять-шесть футов» (РКО. Док. № 205) стала особой заботой для посольства. Общая стоимость всех стеклянных вещей, включая хрустальную посуду, составляла 50 тыс. рублей, или треть общей стоимости подарков (РКО. Док. № 63). Зеркала были поручены попечительству камергера 4 класса Голицыну и при нем двух помощников – чиновникам Караулову 6 класса и Корнееву 8 класса (РКО. Док. № 182). Граф Головкин докладывал Александру I: «Продвижение же везущих зеркала и стеклянные изделия задержано дурными дорогами. Я уже почти расстался с надеждой на их прибытие к моему вступлению в Китай, я занят только тем, чтобы все сохранить... Повозки, груженные стеклом, могут ехать только если несколько человек поддерживают их по бокам. Я послал помощь этому отделению чиновника с 1000 рублей денег, чтоб заплатить за всех рабочих и лошадей» (РКО. Док. № 160). Посланным чиновником был, судя по его воспоминаниям, Ф.Ф. Вигель: «На меня взвалили с поддожины зеркалов, которые, необъятною своею величиной должны были ужаснуть и прельстить китайцев; ...мне дали два проворных унтер-офицера, которые от самого Петербурга во всю дорогу неотлучно при них находились» (Вигель Ф.Ф. Записки // Русский архив. Т. 154. С. 167).

для этого построенных телегах, а в самых трудных местах их держали на веревках для того приставленные люди.

Самая главная ошибка совершена была уже в Санкт-Петербурге во время отправления {24} посольства, так как первые его части покинули стольный град в мае 1805 г., а само посольство отбыло оттуда гораздо позже. Местом сбора был определен Иркутск, куда вся экспедиция должна была прибыть не позднее конца сентября. Так что было предопределено, что мы отсюда и до границы вынуждены будем задержаться ради всевозможного устроительства и из-за переписки с китайцами по меньшей мере на два месяца. В Санкт-Петербурге не могли, между прочим, абсолютно не знать, что удобным временем года для путешествий через степи Монголии и пустыню Гоби являются осенние месяцы, потому что тогда имелся бы в изобилии подножный корм и вода, а вот зимой и того, и другого не хватает, а холода невыносимее {25}, чем в самой Сибири. Итак, посольство отбыло из резиденции с большим опозданием и, имея свое собственное начало в августе, отбыло в Иркутск. Нам пришлось бы идти зимой через ледяную Монголию, и нам уже дали официальную рекомендацию запастись шатрами, в которых мы скорее всего замерзли бы.

Так как описание нашего пути в Иркутск не входит в план этого повествования, то я позволю только заметить, что мы спешили добраться через Москву, Казань, Пермь и Екатеринбург, через Барабинские степи в Томск, Красноярск и Нижнеудинск так быстро, как только могли, где мы нашли остальных членов нашего посольства. Многие купцы, которые были доподлинно осведомлены о китайских делах, замечали {26} уже в то время и совершенно верно, что наше посольство слишком велико для того, чтобы полностью отправиться в Пекин, потому что китайцы запасли перекладных лошадей и провизии только на 100 человек, и от них едва ли можно требовать большего, потому что по закону их империи каждое посольство, после того как оно вступает на китайскую землю, бывает снабжаемо бесплатно всем, что потребуется, даже одеждою, и об этом должны были хорошо знать в Петербурге. Граф Головкин издавал циркуляры, в которых тем, кто отстал и ходатайствовал о каком-либо занятии в Сибири, выказывал свое благоволение; но только от некоторых бесполезных субъектов смог отписаться. Таким образом, только через несколько недель экспедиция покинула {27} Иркутск и отправилась в последнее путешествие через озеро Байкал в Кяхтинский острог. В трех сотнях верст, в Монгольской Халхе, на берегу реки Тубы лежит Урга, постоянная ставка китайского пограничного *вана*²¹ *Юндедорджи*, свояка тогдашнего императора *Цзяцина*²². В этой же ставке находился и монгольский *кутухта*, или Верховный жрец. Пограничному *вану* было поручено от двора сопровождать посольство. Он поручил сразу после нашего прибытия в Кяхту справиться через *дзаргучея* (коменданта) Маймачена справиться насколько они многочисленны. По получении ответа последовали, как и ожидалось, возражения китайцев, в которых они на раз-

²¹ Ван — правитель, древний титул в Китае, во времена Цин соответствовал русскому титулу «князь».

²² Айсиньгеро Юньян (правл. 1796–1820), храмовое имя — Жэньцзун, пятый император династии Цин, правил под девизом Цзяцин — «Прекрасное и радостное».

ных основаниях устанавливали, почему они {28} не могут перевезти такое великое множество людей в Пекин, и остановились на том, что примут не более сотни человек. Хотя справедливость претензий была весьма очевидна, но так верилось нашим псевдодипломатам, что это, вероятно, игры французского или английского влияния, или что мы были противны иезуитам в Пекине. Ни то, ни другое не было правдой, поскольку ни о французских, ни об английских агентах в этот период там не было известно, а вот для иезуитов, по-видимому, выгоднее было бы способствовать России, как единственной стране, в которой к ним относились терпимо. В конце концов им самим понадобились защитники, так как наше прибытие к границе прямо совпало со временем последних гонений {29}, претерпеваемых ими в Китае.

Упрямство посланника затянуло эти переговоры настолько, что было потеряно уже почти два месяца, и даже своего первого секретаря он отправил в качестве курьера в Ургу. Однако ничего не помогло, и он был вынужден уступить, и в конце декабря 1805 года отправился из Кяхты в сопровождении лишь 128 человек²³.

Эти все переговоры произвели в графе Головкине такую досаду и доставили ему такие скверные предубеждения о китайцах, что сама его миссия уже стала ему отвратительна и он желал только лишь прибыть как можно скорее в Пекин, чтобы ее завершить. Привыкшему к увеселениям {30} европейских дворов, бывших в его дипломатической юности, ему было невыносимо мучительна задержка в таком жалком селении, как Кяхта, и его первый секретарь выдумывал ему развлечения. Только в еде он мог находить некоторое удовлетворение своему тщеславию. Поэтому он стремился подражать большому монарху при малом дворе, представляя в том себе почет. В его приемной находился караул под ружьем, он ел только с вермильона²⁴ и держал при себе (довольно комично) китайских чиновников низшего ранга в великолепных костюмах. Его камер-юнкеры несли службу, одним словом было употреблено все, чтобы из Кяхты сделать маленький Петербург удивлению добрых кочевников, ее населявших. Его гордость заставила его, с самого начала совершив ошибку {31}, разгневаться на русского пограничного инспектора, статского советника Вонифонтьева²⁵ – человека, играющего там важную роль, из многолетнего опыта все знающего о китайских делах, поддерживавшего собственные гладкие отношения с китайцами и, несомненно, из мести предпринявшего некоторые попытки помешать переговорам. Чрез неуместную экономию был упущен также и *дзаргучей* Маймачена, ведавший пограничными делами китайской стороны, что при торговле в тысячи рублей серебром было бы весьма незначительно.

²³ На самом деле численность посольство сократилась до 124 человек, из них в офицерском чине 34 человека, включая самого полномочного посла, а так же 90 человек прислуги, мастеровых, членов духовной свиты, музыкантов и конвоя (РКО. Док. № 232).

²⁴ Не совсем ясно, что имел в виду автор – посуду ли, имеющую в составе покрывающей ее глазури киноварь-вермильон, или скатерти, выкрашенные драгоценным ярко-алым красителем (Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. С-Пб. 1894. С. 182).

²⁵ Директор Кяхтинской таможни П.Д. Ванифантиев. «Он был хитрый, но относительно честный человек, прекрасно знакомый с местными условиями и с большим влиянием как на русских, так и на китайцев» (Julius Klaproth. Op.cit. S. 194).

Кроме того, он терпел поведение посольства, которое было одинаково и нехорошо, и неприлично, мало того, он привлек внимание китайцев, постоянно {32} и щедро оплачивая шпионов, чрез которых он имел сведения о всех мелочах, случающихся в Кяхте. Занимаясь преобразованиями, забывал о членах посольства, избирал молодых господ мишенью своих шуток чрезвычайно недозволительного рода, несмотря на их чин, жестоко обращался со старшими офицерами. По вечерам расстреливал на улицах собак из пистолета или брал их на шпагу, и занимался разнообразными другими бесчинствами, что не могло остаться незамеченным китайцами. Заранее изучив посольство, они знали имена и должности большинства его членов и наконец решились официально потребовать от них исправления ошибок в донесениях. Так значился, например, в списке начальник ученого Общества как {33} надзиратель за гальванической машиной, ботаник – как садовник графа, и много другое, что они затем были вынуждены признать за неверное. После того как посланник был вынужден удовлетвориться установленным как приемлемое числом в 128 человек, он думал, что сразу может отправиться в Пекин, тем более что его первый секретарь вернулся обратно из Урги с приятными известиями о том, что для нашего путешествия все готово. Однако теперь китайцы, никогда не договаривающиеся о двух вещах одновременно, пожаловали с другим вопросом, а именно подчинится ли посланник употребляемому в Китае церемониалу. Потеряв терпение от длительных предыдущих переговоров и опасаясь, что и теперешние могут тянуться столь же долго {34}, граф Головкин ответил, чтобы быстрее с этим покончить, что он станет выполнять церемонии таким же образом, какой они могли наблюдать у предыдущих русских послов. Видимо, вынужденный, как и множество добрых людей в Пекине, со всеми этими славословиями и поклонами для того, чтобы его миссия достигла цели, а по его возвращении чтобы об этом помалкивали. Ответ графа весьма изумил китайцев, поскольку было непонятно, почему он ранее твердо стоял в таком, по их мнению, незначительном вопросе, как количество многих ненужных людей, а тут так быстро согласился с их точкой зрения. Ван также подумал, что посланник желает только беспрепятственно {35} попасть в Пекин, а там первым делом начнет чинить препятствия в церемонии *коу-тоу* (девятикратное касание пола лбом). Поэтому он рапортовал наверх, в Трибунал Обрядов²⁶ и велел *бейси* и *бейли* ²⁷ (титуты принадлежат монгольским князьям) принять на границе отправляющееся из Кяхты посольство.

Отъезд из Кяхты проходил с большой помпой. После того, как мы покинули Троицко-Савскую крепость, или Кяхтинские укрепления, мы отправились в церковь собственно Кяхты, где наш отъезд чествовали благодарственной молитвой. Все воинские были при оружии, нашу процессию сопровождала масса вооруженных бурят на лошадях, и мы все вступили на границу {36} под звуки артиллерийского салюта с обеих сторон. Здесь посол попал в тяжелое положение, поскольку, выехавши верхом из Кяхтинских ворот, был буквально затоплен массой монгольских и китайских подростков, весьма невоспитанных, которые подхватили его скакуна под уздцы и ощупывали его великолепно расшитый камергерский мундир до тех пор, пока подбежавшие монгольские солдаты не разогнали их ударами кну-

²⁶ Министерство церемоний (*Либу*).

²⁷ Принц 3-го ранга.

та. Многие усмотрели в том предзнаменование успеха нашего предприятия. Наша процессия прошла не так, как того желали китайцы – к воротам Маймачена, – а мимо них. Причина тому удивительна. Пред всеми китайскими воротами высится деревянная ширма-забор, которая мешает заглянуть внутрь {37}, или же ворота так построены, что путь через них дугообразен. Перед Маймаченом стояла как раз такая ширма, и граф Головкин попросил *дзаргучея*, чтобы тот распорядился ее убрать, дабы его карета могла без помех пройти в ворота. Однако он получил отрицательный ответ, потому что китайцы придают этим ширмам суеверное значение и убеждены, что они не пропускают дурного влияния извне. Это раздражило посланника настолько, что он решил не въезжать в Маймачен и потому был вынужден завтракать не у *дзаргучея*.

Погода весьма мало благоприятствовала нашему путешествию к Урге. Хотя постоянно было ясно, однако холод был невыносим, часто ниже 30° по Реомюру²⁸, и наше упрямое желание совершать путешествие в европейских каретах {38} привело к тому, что мы пробыли в нем гораздо дольше, чем было необходимо. Так как монголы не умели обращаться с нашими экипажами, ничего в них не понимая, они укрепили веревками на дышлах поперечные штанги, в которые они впряглись сами перед лошадьми, и таким образом мы были везомы более людьми, чем лошадьми. К тому же монгольские лошади дичатся упряжки, и большинство к тому попыток не удались. Сверх того мы были вынуждены на каждой станции вначале заставить лошадей и верблюдов двигаться вместе, так что ежедневно мы редко могли пройти большее расстояние. К вечеру посольство собиралось в большой лагерь из монгольских войлочных юрт, и это было единственным временем, когда мы могли получить горячую еду {39} и питье, и таким образом мы добрались до Урги только после едва ли не 14-дневного путешествия.

Многословность китайцев в переговорах и воистину огромные неудобства путешествия окончательно расстроили наших господ дипломатов; каждый мечтал вернуться назад в столицу, и не одна слеза выступила из глаз, когда разговор заходил о Вене или Париже. Особенно глубокое презрение развилось к китайцам и ко всему китайскому, что и послужило причиной тому, что большой завтрак, который давал нам *ван* по нашему прибытию в Ургу в присутствии прибывших офицеров, наших казаков и четырнадцати {40} музыкантов, был оставлен, едва отведен. Сие было бы оскорблением для каждой нации.

Урга расположена близ тракта, примерно в 140 географических милях²⁹ от Пекина, а курьерское сообщение между двумя пунктами невероятно быстро, потому что постоянно были отправляемы с депешами два человека на сменных лошадях с тем, чтобы скакать сколь можно быстро, и случись с одним из них несчастье, другой, взяв бумаги, без помех продолжил бы свой путь. Послание в Пекин было таким образом в пути 5 дней, а в 12 дней могли иметь в Урге ответ, отправленный из столицы. Вскоре после нашего прибытия в лагерь пограничного *вана*, последний получил на свой сделанный по нашему отъезду из Кяхты {41} рапорт, в кото-

²⁸ Ниже 38° по Цельсию.

²⁹ Немецкая, или географическая миля равна 1/15° экватора (7 420 м). Следовательно, путь от Урги до Пекина составлял более 1 тыс. км.

ром он уведомил, что посланник обещал исполнить церемонию, ответный приказ следующего содержания: устроить для посла перед троним императора в Урге торжественный пир для того, чтобы при этом, испытав графа Головкина, установить, станет ли он исполнять *коу-тоу* перед троним или нет. Все посольство было также официально приглашено на это торжество, и граф принял это приглашение без того, чтобы ранее навести справки о том, какие именно употребляются при этом церемонии и бывают ли вообще. Таким образом мы на следующее утро пожаловали при холоде в 28°³⁰ в парадных костюмах и при шляпах во двор замка, где было назначено торжество, и там посланник был встречен *ваном* в церемониальной одежде. Его темно-фиолетовая верхняя одежда {42} с драконами и прочею богато вышитой отделкою, и все его повадки указывали его придворным на его сан, на его происхождение от Чингисхана и давали понять о высоком родстве с самим императором. После предварительных приветствий, когда мы уже почти окоченели от холода, граф Головкин должен был проследовать в залу, где стоял императорский трон, полностью схожий с изображением из «Путешествия» Макартнея, и там *ван* известил посла, что китайские законы требуют, дабы все перед сим троним сперва совершили однократно коленопреклонение, а затем должны были коснуться головою пола, прежде чем они могли бы участвовать в торжественном пиршестве. Этого посол никоим образом понимать не захотел и начал {43} жестокий, продолжающийся несколько часов кряду спор по этому поводу³¹, в то время как лица из его свиты были угощены завтраком в маленькой соседней комнатухе и в галерее. Граф Головкин убеждал *вана*, что совершенно противно его достоинству как представителю императора, требование поклона какому-то столу, покрытому желтым атласом, что ни одно предыдущее русское посольство не было принуждаемо к столь унижительной церемонии и доказывал, что соглашался совершить *коу-тоу* только перед лицом самого императора в Пекине. На что *ван* возражал, что пока еще ни один иностранный посол не удостоивался такой чести, чтобы от имени императора {44} быть принятым в таком далеком городе Пекине у императорского трона, и что сие место следует рассматривать как самую священную особу императора, ибо всегда пред тем алтарем возжигаются благовония, что у китайцев делается только перед изображениями богов или духов-покровителей.

Граф скоро запутался в этом споре, сослался на последнее английское посольство, которое также не исполняло никаких обрядов, однако получил в ответ, что лорд Макартней, разумеется, тоже смирился бы, но что бывший тогда министр Хо-Тан-Чанг тому послу премного способствовал, тогда как теперешний импера-

³⁰ Ниже 35° по Цельсию

³¹ Из рассказа маймаченского дзргучея Жуйчуня: «Когда ваш российской посол с прочими чиновниками прибыл на пиршество, приготовленное на счет казны, то от *вана* и *амбаня* предложено послу, дабы он сам и прочие чины воздали благодарность императору коленопреклонением и земными поклонами. Но предложение сие было от него не принято. *Ван* и *амбань* начали доказывать справедливость предложения разными побудительными причинами, уверяя, что они сами вместе с ним, послом, будут те же делать поклонения. Посол, слыша сие, показал много склонности, как можно было приметить из его оборотов и, по-видимому бы, исполнил весь церемониал, установленный при нашем дворе, но камер-юнкер или, — как он говорит, — хамар-ионхор Байков, сказав послу несколько слов на неизвестном мне языке, удержал посла от выполнения требуемого *ваном* и *амбаном*, и так кончилось ничем» (РКО. Док. № 525).

тор в нынешнее правление наказывает за это смертью. Одним словом, спор не был {45} решен, и наш визит закончился тем, что мы замерзшие и без надежды на пир были вынуждены возвратиться в наш лагерь.

Этот случай произвел среди членов нашего посольства много шума, а мудрейшие рассматривали его как несчастливое предзнаменование скверных последствий; одни лишь только камер-юнкеры, составлявшие собственно свиту посла, весьма радовались, что честь их двора была поддержана, и восторгались искусством своего шефа, его глубокой дипломатической проницательностью. Для него, которому вся эта экспедиция была уже в тягость, появилась надежда, что он сможет больше не мерзнуть в Монголии, а отправиться, конечно покончив с этим делом, в далекую и милую Москву или в Санкт-Петербург, и все согласились {46} с ним в том, что должно подражать графу Савве³², который постоянно выказывал непреклонность к китайцам и благодаря тому всегда их принуждавший. Однако об этой непреклонности мы можем найти в «Большой истории Китая», которая вышла в Париже в 12 томах³³, следующее примечательное место, которое возможно послужило бы графу Головкину наставлением, когда бы он взял на себя хлопоты прочесть его:

«В день, назначенный для аудиенции, Метелло намеревался сразу доставить письмо в руки императора, как то делал граф Савва Владиславович, в то время полномочный представитель царя в Пекине, который не имел желаний, подчиняясь установленным правилам, класть их на нарочно подготовленный столик {47}».

Этот новый инцидент отодвинул аудиенцию на несколько дней. Министерство церемоний осведомилось у него, откуда он знает эту подробность. Метелло отвечал, что вещь сия стала в Европе общественною и что русские уже опубликовали об этом в газетах. Посланник, огорченный этими трудностями, говорил Магальясу, Парении³⁴ и прочим европейцам, что это они подали повод пренебречь инструкциями посла в том, что ему делать; и более того, что, мол, император впоследствии рассудил, что *Либу* достойно презрения, и что ему надлежит держаться так же, как это было с русскими, и записано в книгах. Посланник затем достаточно долгое время провел подле императора, а когда отбыл, тот вызвал к себе переводчиков и принялся их упрекать {48} словами весьма жестокими и неприятными: “Представьте себе, вы все еще остаетесь тут, – сказал он сурово, – или в ваших намерениях было сопровождать вашего посла в Европу? Если вы все еще хотите оставаться с нами, вы должны приучить себя к нашим обычаям и обучать новоприбывших. У кого из вас душа настолько черна, чтобы подать дурной совет Метелло, сделав неудачным его посольство? Если я проведу в ком-то такой характер, я предам его смерти. Что может помешать императору преследовать вас, если он того пожелает? Вы похожи на людей, которые желают стоять сразу в двух лодках; лодки расходятся, а они падают в воду. Остерегайтесь, что после отъезда посла вы окажетесь {49} в ситуации гораздо более печальной, чем та, в которой

³² Савва Лукич Владиславович (1662–1738), серб, русский дипломат, действительный статский советник, бывший в 1725–1729 гг. Чрезвычайным послом в Китае и ведший дела при заключении Кяхтинского договора.

³³ Histoire générale de la Chine ou annales de cet empire. 13 Bde. Paris, 1777–1785.

³⁴ Парении (Балэинин, Бадомин, Паренен, Парени, Пареннен, Parrenin, Патомин) Доменико (1665–1741) – французский иезуитский миссионер в Пекине (с 1698). Подр. см.: РКО в XVIII в. Т. 2. М., 2006, Док. № 196. Комм. 20.

вы были до его прибытия”. Затем он обратился к Парении: “Это же вы, – продолжал говорить он, – переводили в связи с делом Саввы, которое рассматривалось при этом дворе? И насколько успешно? Отправил ли король Португалии к нам посла для того, чтобы перепираться в вопросах чести вместе с русскими и читать их газеты? А если эти газеты станут говорить, что посол должен бить челом оземь перед Измаиловым, Метелло станет утверждать то же самое? Что нам до того, будет ли Метелло при этом дворе или нет? Что нам в том пользы? Он прибыл, собственно, для принесения благодарности императору и для поздравлений с восшествием на престол: это может быть {50} только приятным, но когда бы он освободил себя от необходимости прийти, это было бы ошибкой. А чему послужили послы, которые сейчас перед ним? Они сообщили, что договорились о всех вещах, однако стоило прибыть Метелло, как он начал мелочное крючкотворство: сегодня он допустил инцидент со столом, завтра этому обучит других, и начинай все сначала”. При каждом слове у посла текло из глаз прямо при главном управляющем дворца, который сопровождал Императора и возвратился к нему оттуда...».

Твердо усвоивший это место, может видеть, таким образом, сколь малого можно достичь с китайцами посредством так называемой твердости. И разве эти церемонии {51} в таком отдалении от Европы вовсе не были детскими играми? Во власти посланника было клятвенно обязать всех членов своей свиты к вечному молчанию по этому поводу. Затем ему нечего было опасаться того, что Россия в Европе сколько-нибудь уронит свое достоинство, если бы он покорился требованию о церемонии, поскольку его посольство волей-неволей преклонило бы колени, прибыв в Пекин, так что он все-таки не смог бы предотвратить того, что в китайских хрониках, в истории нынешней Династии значилось бы: «На 11-м году правления Цзяцина прибыло русское посольство из Чжанцзякоу (Калгана) в столицу и принесло многие драгоценные вещи {52} в виде дани». Это именно то, что был вынужден претерпеть лорд Макартней, когда его корабль прибыл под флагом с надписью «Посольство красноголовых, приносящее дань». Головкин должен был так же, как и мы, рассматривать китайские церемонии как глупость и не портить экспедиции своим упрямством и, конечно, при лучшем начальнике все было бы выполнено ко всеобщему удовлетворению, тем более что в Петербурге ему была предоставлена свобода действий в пункте о сих церемониях³⁵.

³⁵ В пункте 1 инструкции, данной послу графу Головкину от Александра I значилось: «Хотя при Пекинском дворе строго наблюдается, чтобы в приеме и обхождении с аккредитованными особами от других держав, туда приезжающими, не отступать от правил и образцов, издревле у них постановленных для подданных богдыхановых, со всем тем разные чиновники, по времени отсюда туда посылаемые, успели отклонить некоторые из сих обрядов, наиболее казавшаяся противными величеству Российской империи. Мы надеемся, что и вы, следуя тем примерам, не оставите употребить все старания, чтоб прием, который вам учинен быть имеет, покуда возможно, соответствовал знаменитому качеству, коим облечены вы и достоинству империи нашей, а для сего и должно до въезда вашего в Пекин или в другое место пребывания Государя Китайского условиться с его министрами о образе, коим вы приняты и отпущены будете, и о этикете, каковой при том соблюден быть должен, но в сем случае, равно как и в других, не должно жертвовать выгодами, коих ожидаем мы от отправления вашего в Пекин, обряду церемониальному естли бы, паче чаяния, китайцы упорно настояли в том, чтобы удержать оной в первобытном положении» (Копия с проекта Инструкции Действительному Тайному Советнику Графу Головкину. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 107. Л. л. 2об.).

Время нашего пребывания в Урге проходило, таким образом, в переговорах, а между тем *ван*, отправив курьера в Пекин по поводу вышеупомянутого инцидента, был вынужден ожидать его возвращения. С {53} нашей стороны применялись всевозможные способы к тому, чтобы раздражить китайцев, и это факт, что наш первый секретарь наговорил *вану* на одном из совещаний, когда шла ожесточенная дискуссия, исконно русских оскорбительных слов³⁶, которые он понял и тотчас же покинул комнату, однако же без того, чтобы дать обнаружить свое недовольство. Сам посланник должен был также немного спокойнее вести себя с этими людьми и надеяться на получение выгод посредством подарков. Для этого он взял с собой на встречу пару особенно хороших английских часов, которые хотел им подарить, но постеснялся откровенно и прямо предложить их, поэтому перевел разговор на тему воздаяний оному *вану*, присовокупив к тому, что у него имеется пара часов русской работы, для того принесенных. *Ван*, взявши их в руки {54}, одобрил их, признав за английские, и вернул их назад со словами: «Мои дети еще слишком малы для того, чтобы пользоваться такими дорогими вещами, и им более подобает упражняться в стрельбе из лука и охоте». Прежние прочие дары, которые ему подходили, он принял, вручив за них послу курительную трубку, что у Китайцев бывает в знак великой дружбы, что однако нами было истолковано как скупость.

Кроме того, высказывания многих членов свиты привели к тому, что китайцы усвоили невыгодные о нас понятия, возможно и из-за совместного и чрезмерного пьянства, которое часто давало повод к ожесточенным перебранкам и которое {55} стало общеизвестно. Весь провиант, которого мы с собой не привезли, был отправляем нам безвозмездно, и наш второй секретарь³⁷ свержал каждое утро сделку, продавая шкуры доставляемых баранов монголам, причем тщательно и мелочно торгуясь.

Наконец, 29 января 1806 г. прибыл долгожданный ответ Трибунала внешних сношений из Пекина, имевший приблизительно следующее содержание: «Поскольку посольство к Его Величеству китайскому императору, отправленное по неоднократному ходатайству русского царя, достигло сего места, то сим объявляю, дабы скрепить старые узы дружбы между обоими империями и из особого глубокого почтения императора к России, оному графу {56} Головкину милостивое позволение прибыть в новом году в Пекин. Наряду с этим Его Величество желает оказать особую милость послу, повелевая устроить пир в его честь еще до прибытия в Пекин; каковое устройство пира следует рассматривать как честь его царю. Сия милость до сих пор примера не имела. В одиннадцати статьях трактата³⁸ с Россией церемониал, находящийся в связи с этим пиром и каковому граф Головкин отказывается

³⁶ Вот что пишет о предварительных переговорах в Маймачене участник посольства Вигель: «Сначала бейс у посла имел публичную аудиенцию, на которой мы все присутствовали, потом другую, приватную. Головкин, стараясь приноровиться к восточной напыщенности речей, через переводчика так и сыпал гиперболами, на кои бейс отвечал тихо и скромно; а между тем Байков в углу со смехом ругал китайцев непотребными словами, не замечая, что в свите бейса находились маймачинцы, очень хорошо понимающие русский язык и любимыя народныя поговорки» (Вигель Ф. Ф. Записки. С. 180).

³⁷ Граф Я. О. Ламберт

³⁸ Имеется в виду Кяхтинский трактат.

подвергнуться, не упоминается, и следует добавить двенадцатую статью к вышеупомянутому трактату, единственно ради <решения> пограничных вопросов. Все посольства варваров приносят дань императору, не отказываясь сим церемониям {57}, которых требуют наши законы, подчиниться, даже король *Хай-нама*³⁹ девятикратно простирался ниц пред императором, поэтому как может распоряжаться посланник, обязанный оказывать почести? А так как граф Головкин отказывается принять честь, кою ему Его Величество милостиво оказать соизволил, то повелевает ему император узнать, что он может возвращаться, и которые подарки ко двору назначены, оные может обратно себе взять. Возвращаясь обратно, граф Головкин не боится ли немилости или наказания своего монарха?»

Разумеется, это был жестокий удар, который, однако, можно было предвидеть, но дипломаты не были к нему готовы. Однако, как казалось, *ван* имел тайное поручение {58} вновь завязать переговоры. Он предложил графу Головкину, чтобы тот приказал кому-либо из его свиты отправиться в Пекин в качестве курьера, рекомендуя ему написать письмо китайскому императору, в котором бы он объяснил, что не может выполнить требуемой церемонии, поскольку не имеет на то разрешения своего суверена и поэтому, чтобы сначала получить ответ из Санкт-Петербурга, потребуется много времени. Таковое письмо да еще сверх того депутаты смогут, пожалуй, изменить положение вещей, а сам *ван* охотно исправит стиль сего послания, как то требуется, чтобы быть представленным к императору, поскольку наш переводчик в этом, вероятно, не искусен. Письмо {59} было, таким образом, составлено на маньчжурском языке, и *ван* повелел представить его к просмотру для того, чтобы он сделал небольшие поправки в некоторых местах, и тогда его копию он вернул бы обратно через *бейса*. Однако посланник из-за влияния первого секретаря Байкова уже изменил свои помыслы и снова пожелал выказать свою непоколебимость; он заявил предъявителю, что он не привык менять что-либо единожды написанное и поэтому письмо либо будет отправлено в Пекин в его прежнем виде, либо вообще не будет отправлено, с каковым ответом удалился. Такая непреклонность вызвала в камер-юнкерах всеобщее восхищение, и они уже видели себя на пути в Пекин, но, к сожалению, заблуждались, сохраняя надежду до 1 февраля, когда были уведомлены нижеследующим {60} кратким посланием, которое мы официально получили от китайцев: «Поскольку русское посольство состоит из ГЛУПЦОВ, мы не желаем иметь с вами дел, но пристало нам жаловаться в Сенат на ваше поведение».

В это же время нас известил *ван* о том, что имеет продовольствия для нас всего на один день и мы поэтому поступим хорошо, уехав как только будет возможно. Он также отправил полученные подарки обратно, которые он принял единственно в надежде на то, что будет сопровождать нашу миссию в Пекин, будучи таким образом ей полезным. Посланник выразил на это, что даже будь он намерен отправиться на другой день {61}, он вовсе не стал бы забирать подарков однажды уже подаренных; а так как оные подарки были при нас оставлены китайским офицером, то он приказал второму секретарю (дипломатический педант) и двум казакам выбросить их на песок перед лагерем. Китайцы поставили при них двух

³⁹ Испорч. от «Аннам» – Северный Вьетнам.

вахтенных, которые так и следовали с посольством до самой границы, где они эти подарки поместили у пограничного знака, а затем они были разделены комендантами по обе стороны Кяхты.

В ночь нашего отбытия посланнику вздумалось показать, сколь мало для него значит неважный результат его дипломатической миссии, поэтому он велел выдать казакам и драгунам столь много водки-старки, сколько они захотят выпить, а по сему они назло китайцам {62} шумели всю ночь напролет, и в этом они подражали свите. Граф Головкин таким образом доказал, сколь верно оценивал его блаженной памяти император Павел, когда говорил ему: «Вы сущий Донкишот, Вам не хватает только шлема Мамбрина⁴⁰».

Таким было завершение предприятия, которое, несомненно, достигло бы своих целей при лучшем руководстве, а прочные узы, связывающие Россию и Китай, имели бы место быть; и каковое, однако, не удалось чрез своеволие его начальника и прежде всего чрез интриги его первого секретаря. Едва ли не больше, чем предположение, что дела с китайцами умышленно запутывались им для того, чтобы устранить посланника из экспедиции {63}, а затем самому стать во главе ее. Все сочиненное потом для оправданий – о влиянии французов и англичан, воссстанавливающих китайцев против России, равно как и сообщения, что прибытие экспедиции Крузенштерна в Кантон возбудило неудовольствие и предопределило неудачу посольства – есть совершенный вздор, потому что китайцы никогда не смешивают различные дела вместе; и хотя прибытие Крузенштерна в гавань Кантона должно было привлечь особое внимание, раз уж в Санкт-Петербурге имели неосторожность наперед не поставить в известность пекинский двор, китайцы из-за этого не стали бы отправлять обратно русское посольство, ибо они держали экспедицию Крузенштерна {64} за частное предприятие, а входить в подобные торговые предприятия ниже достоинства государства. Когда они все же убедились, что Крузенштерн был отправлен от правительства, то отписывали Сенату в Петербурге так: «Ты, Сенат, весьма глупо поступил, что отправил те корабли без нашего разрешения...»⁴¹.

Хотя ныне китайцы отказали русскому посольству в Пекин из-за его непристойных поступков, этот запрет не распространился на остальное, включая торги в Кяхте, которые пошли привычным ходом, хотя с легкостью могли быть этим нарушены. *Ван*, который приказал остановить нашего камер-юнкера, уже собиравшегося в Пекин для того, чтобы объясниться о поведении {65} посольства, и неминуемо сложившего бы там голову, и поныне находится на границе в качестве главнокомандующего и имеет самые большие доказательства довольства его монарха. Также и с нашей стороны производится хорошее обращение с китайцами, и мы обязаны этим предусмотрительным и разумным мерам последующего генерал-губернатора Сибири господина Пестеля, и мы пребываем в лучшем состоянии с этой империей, чем когда-либо.

* * *

⁴⁰ Намек на головной убор ламанчского идадьго – тазик брадобрея.

⁴¹ В оригинале: «Tu Senate, multum stulte fecisti quod naves illas sine permissione nostra misisti etc.».

После того как я посредством сего правдивого рассказа указал причины неудачи Посольства Головкина, да будет позволено мне исследовать сколько выгод мог бы извлечь Санкт-Петербургский кабинет {66} из данного случая. Между Россией и Китаем существует торговый трактат, в былое время заключенный для большей обоюдной пользы; только изменившиеся обстоятельства послужили причиной того, что ныне первая имеет от того менее пользы, чем должно было бы полагать. Главным образом губительно было неизменное для России: что китайцы возмунт едва ли не большую половину пушнины, как в прежние времена, в том-то и дело, что англичане и северо-американцы могут привозить то же самое в Кантон намного дешевле и лучше. Половину товарооборота от иностранных тканей и холста, производимого российской стороной в Кяхте, приходится выплачивать звонкой монетой за границу; и что против того от Китая? Чай и китайка (разноцветная хлопчатая ткань) {67}, последняя есть общая для всех крестьян в Сибири летняя одежда, оба товара ввозятся и потребляются в самой стране, а наличные деньги из нее уходят, и нет возможностей для общего подъема производства одежды. Постоянный ввоз и вывоз товаров служит причиной тому, что большая часть сибирских крестьян пренебрегает своими пашнями и они заняты только лишь содержанием лошадей для караванов, отчего землепашество заброшено и развитие оногo весьма замедлено. Без нового трактата с Китаем будет тяжело исправить это зло, а китайцы никогда добром не поймут этой потребности, поскольку нынешний трактат для них весьма полезен. Единственное средство их к тому принудить есть военные действия {68} в землях маньчжур, в то время, когда они в самом Китае должны воевать с повстанцами в южных провинциях, что бывает весьма часто и, в частности, было во время нашего посольства. Существует в том же самом Китае вид тайного общества, называющееся *Байляньцзяо*⁴², цель которого есть изгнание маньчжур и водворение на трон китайского правителя. Их приверженцы одно за другим поднимают восстания, которые часто лишь с большим трудом могут быть утихомирены. При теперешних обстоятельствах возмись Россия, которая имеет достаточно регулярных войск в Сибири, за маньчжур на севере, когда они будут заняты на юге, так должно быть с легкостью принудит их к заключению нового трактата, который будет так выгоден для нее, как только возможно {69}, и заставит их начать свободную торговлю в Кантоне той же самой пушниной из Северной Америки и Камчатки, будучи в состоянии привозить ее туда напрямую и найдя там лучшие рынки, чем Кяхта. Таким образом можно было бы снабжать те края продовольствием из Кантона и иметь от того весьма существенные выгоды. Однако это только благие пожелания, которые не раньше того исполнятся, как в Петербурге осознают, что Россия есть азиатская страна, для которой губительны любые разрастания на Запад, потому что она ослабляется, постоянно ввязываясь в распри с Европой {70}.

⁴² В оригинале Pe-lien-diao, т.е. Общество Белого Лотоса; далее имеется в виду крестьянское восстание 1796-1805 гг.